

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ ӘКІМДІГІ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚР БҒМ ҒК А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ

АКИМАТ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА КН МОН РК
АКТЮБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«ҚАДЫРБАЕВ ОҚУЛАРЫ - 2020»

**VI ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҒЫЛЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАРЫ**
(2020 жылғы 27-28 қараша)

**МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«КАДЫРБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020»**
(27-28 ноября 2020 года)

О «СКАЧУЩИХ НА ВЕПРЯХ» (КОНСКИЙ ГАРНИТУР ИЗ КАБАНЬИХ КЛЫКОВ В ЧЕРНОГОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ)

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.

В 1968 г. Т.А. Шаповалов в кургане Стрижена Могила близ с. Луганское, Донецкая обл., Украина исследовал разрушенное захоронение предскифского времени. Судя по расположению некоторых костей, умерший был положен головой на северо-восток. Уцелевший погребальный инвентарь включал фрагменты железного предмета неясного назначения и серию костяных изделий (последние не находились *in situ*). Костяные артефакты представлены втулкой, интерпретированной исследователем как «горло от небольшого бурдюка» и 17 бляшками, вырезанными из клыков дикого кабана (определение было сделано В.И. Бибиковой) (Шаповалов, 1971, с. 191-192). В статье приведены рисунки четырех бляшек (Шаповалов, 1971, рис. на с. 192).

Рисунки бляшек из Стриженой Могилы, опубликованные Т.А. Шаповаловым, в дальнейшем тиражировались во многих работах по предскифской проблематике (Тереножкин, 1976, рис. 20, 4-7; Дубовская, 1993, рис. 73, 65-67; Вальчак и др., 1996, рис. 3, 8, 23; Эрлих, 2002, рис. 7, 14; Махортых, 2005а, рис. 67, 13-16; 2005б, рис. 6, 13-16; Иванчик, 2011, рис. 105, 11; Хорват, 2019, табл. 3, V; и др.). Рассматриваемый комплекс, несомненно, является эталонным для черногоровской культуры, поэтому важно ввести его в научный оборот как можно более полно. Интересующие нас артефакты экспонируются в музее археологии Донецкого национального университета. В 1997 г. они были по просьбе В.А. Подобедна нарисованы О.Р. Дубовской.

Благодаря находке подобных изделий на надетой на голову лошади узде в комплексе Пшиш-I, п. 93 (Вальчак и др., 1996, рис. 1, 1), можно сказать, что «черногоровские» бляшки относятся к предметам конского оголовья. При этом, судя по аржанским материалам (Боковенко, 2018, с. 23-25), анализируемые предметы из Стриженой Могилы могут быть атрибутированы, как нащечные бляхи.

Из них выделяются три крупные бинарные с выступом, делящим бляшку пополам (рис. 1, 1-3). Остальные 13 экз. круглых или слегка овальных бляшек-«пуговиц» двух разновидностей: с одним (рис. 2, 1-8) или двумя (рис. 2, 9-13) отверстиями на внутренней стороне. Некоторая разница в размерах, на наш взгляд, несущественна – она является следствием использования кабаньего клыка, имеющего широкий диапазон изменчивости (Козло, 1975, с. 76-77). Разница в отверстиях тоже факультативный признак. Об этом свидетельствует одна из бляшек публикуемого комплекса (рис. 2, 12): мастер начал изготавливать одно отверстие, но в процессе работы сделал их два.

Помимо нащечных бляшек, в комплексе из Стриженой Могилы присутствует костяная втулка (рис. 1, 4) – возможно, деталь составной рукояти жезла.

Рассматриваемый комплекс фиксирует существование в черногоровской культуре практики изготовления деталей конской упряжи из клыков кабана и,

соответственно, высокий семиотический статус вепря в предскифское время. В отдельные периоды интерес к обрядовой «эксплуатации» образа данного животного переживал всплески (Подобед и др., 2013). Вероятно, это имело место и в предскифское время. Во всяком случае, известна серия погребальных комплексов рассматриваемой эпохи, содержавших детали конской упряжи из кабаньих клыков. Написано об этих изделиях немало, но, как правило, они рассматривались лишь с точки зрения изучения конской узды, разработки хронологии памятников предскифского периода, прослеживания культурных связей, решения проблемы генезиса черногоровской культуры. Вопрос о том, почему материалом для изготовления конской гарнитуры в ряде случаев служили именно клыки вепря, углубленно никогда не рассматривался. Мы уже высказывали точку зрения, что выбор кабаньих клыков в качестве сырья для производства уздечных бляшек едва ли был случайным, и что «в данном случае мы сталкиваемся со стремлением создать определенный эффект визуальной актуализации предметов, обусловленный представлениями о социальной позиции владельца скакуна и его месте в иерархической структуре черногоровского воинства» (Подобед и др., 2013, с. 464). Тогда, причисляя узду, украшенную изделиями из кабаньих клыков, к атрибутам воинов, мы мыслили в рамках традиционного подхода, предполагающего, что узда в черногоровской культуре маркирует конных воинов (Тереножкин, 1976, с. 214; Лесков, 1981, с. 87-88; Дударев, 1989, с. 136-137; и др.). Сейчас же мы пришли к иной гипотезе. Прежде, чем ее озвучить, охарактеризуем черногоровские комплексы с артефактами из клыков кабана.

В настоящее время, помимо комплекса из Стриженой Могилы, нам известно 6 захоронений черногоровской культуры с интересующими нас изделиями. Лишь применительно к двум комплексам в публикациях указано, что бляшки изготовлены из клыков кабана. Речь идет об изделиях из Стриженой Могилы и Веселой Долины, 1/2 (Татаринов, 1982, с. 228).

Бляшки из Жирноклеевского, 6/9, Красной Деревни, 7/5, Красногоровки III, 12/1; 12/2, и Приморского I, 2/5 определены авторами публикаций как выполненные из кости (Пиотровский и др., 1941, с. 184; Смирнов, 1961, с. 69; Лукашов, 1984, с. 159; Потапов, Бабешко, 1994, с. 118-119; Махортых, 2005а, с. 352). На наш взгляд, в тех случаях, когда сырье, пошедшее на изготовление рассматриваемых предметов не установлено специалистами, критерием выделения изделий из клыков кабана может быть подтреугольность поперечного сечения артефактов. Дело в том, что клыки кабана почти по всей своей длине имеют сечение в виде треугольника. Соответственно, и изделия из них сохраняют данную особенность. Мы отдаем себе отчет в том, что среди бляшек, трактуемых нами как выполненных из клыков кабана, могут быть и такие, которые сделаны из другого сырья (ср. Бородовский, 1997, рис.8) (например, замена изделия при утрате). Но в этих случаях, на наш взгляд, придание сечению подтреугольной формы должно было быть порождено желанием имитировать вещи из кабаньих клыков, т.е. такие изделия можно считать семантически равнозначными предметам из клыков вепря.

Рассматриваемые погребения выявлены на относительно узкой (в рамках черногооровской ойкумены) территории – в Донбассе, Северо-Восточном Приазовье, на юге Среднего Подонья, на Нижнем Дону и в средней части Нижнего Поволжья.

Погребения локализовались в разных секторах курганов. В частности, захоронение из Красной Деревни, 7/5 выявлено в центре насыпи, погребение из Веселой Долины, 1/2 – в 1 м к западу от центра кургана, погребение из Стриженой Могила – в 2 м к югу от центра, погребение из Красногоровки III, 12/2 – в 2 м к северо-северо-востоку от центра. Захоронение из Красногоровки III, 12/1 локализовалось в 4 м к северо-северо-востоку от центра. Погребение из Жирноклеевского, 6/9 находилось в 5 м к югу-юго-западу от центра. По комплексу из Приморского I, 2/5 соответствующими сведениями мы не располагаем.

Все из рассматриваемых захоронений, судя по имеющейся информации, были совершены в ямах (подбойная могила не зафиксирована ни разу). Форма и параметры могильного сооружения при этом известны лишь в одном случае. Захоронение из Красной Деревни, 7/5 было совершено в прямоугольной яме (1,6×0,8 м) с закругленными углами. В одном случае имело место каменное перекрытие (Приморский I, 2/5). А в погребении из Красногоровки III, 12/1 под черепом погребенного и к северу от него лежали деревянные плашки.

Умершие во всех случаях, когда это было установлено, лежали скорчено на левом боку. Ориентировка захоронений довольно разнообразна – север (Веселая Долина, 1/2), северо-восток (Стрижена Могила), северо-запад (Красногоровка III, 12/1 и, вероятно, Красногоровка III, 12/2), восток (Жирноклеевский, 6/9), восток-юго-восток (Приморский I, 2/5), юго-восток (Красная Деревня, 7/5). Степень скорченности установлена лишь в двух случаях (Веселая Долина, 1/2; Красная Деревня, 7/5). Оба раза угол в тазобедренных суставах был чуть меньше прямого. В захоронении из Веселой Долины, 1/2 верхняя часть костяка располагалась спиной вверх, что, возможно, является результатом постпохоронных процессов. Применительно к двум комплексам известно положение рук. В погребении из Красной Деревни, 7/5 левая рука была протянута кистью к коленям, а полусогнутая правая – к средней части бедренных костей. В погребении из Веселой Долины, 1/2 руки были согнуты примерно под прямым углом (локтевые кости размещались параллельно позвоночнику, лучевые – параллельно бедрам).

В погребении из Красной Деревни, 7/5 у стоп умершего лежали ребра, лопатка и кости ног барана. В комплексе из Жирноклеевского, 6/9 выявлены лопатка и кости бараньей конечности. В первой очень краткой публикации комплекса говорится о том, что часть рассматриваемых бляшек находилась «у конского скелета» (Пиотровский и др., 1941, с.184). В процессе работы над материалом мы предположили, что, возможно, захоронение сопровождалось жертвоприношением лошади (обратим внимание на то, что о костях коня в жирноклеевском погребении уже упоминалось специалистами (Вальчак и др., 1996, с. 25)), однако анализ расположения погребений в кургане и замечание К.Ф. Смирнова о том, что «в ... отчете о раскопках смешаны два разных комплекса костяных изделий, и все они ошибочно приписаны погребению

лошади раннего средневековья» (1961, с. 66, прим. 79) решили дело: лошади в жирноклеевском комплексе не было.

Из других особенностей обряда упомянем наличие едва заметных следов охры на костях из Приморского I, 2/5 и размещение близ локтя правой руки погребенного из Красной Деревни, 7/5 куска желтой массы (сера?).

В большей части захоронений, помимо рассматриваемых бляшек, содержался и другой инвентарь. Обратим внимание на то, что в обоих случаях, когда в комплексах присутствовали бронзовые удила (Красногоровка III, 12/1; Красная Деревня, 7/5), они были представлены лишь одним звеном. Добавим, что в комплексах, где находились роговые псалии (Веселая Долина, 1/2; Жирноклеевский, 6/9), последних было по два, причем относились они к разным типам. На наш взгляд, эти нюансы не являются случайными.

Теперь скажем более детально о самих бляшках. В погребении из Веселой Долины, 1/2 интересующие нас артефакты размещались дугой за спиной погребенного. При этом в районе стоп лежали псалии, а рядом с ними – две крупные бляшки. Далее к северу локализовались шесть бляшек с двумя отверстиями. Они располагались с интервалами около 5-10 см. Потом следовали две средние бляшки, отделенные от упомянутых шести расстоянием около 8 см. Затем примерно через 12 см лежала третья большая бляшка, а севернее от нее (почти вплотную) – четыре размещавшихся квадратом небольшие бляшки с одним отверстием. В захоронении из Красногоровки III, 12/1 бляшки располагались по несколько иной системе: пара круглых чередовалась с одной «бинарной». В погребении из Красной Деревни, 7/5 бляшки размещались к северу от затылочной части черепа тремя рядами вплотную друг к другу (Лукашов, 1984, рис., 9). Звено удила и псалии при этом лежали у макушки черепа – поблизости от бляшек, но не вплотную к ним.

Заметим, что в большинстве рассматриваемых погребений присутствовали разные бляшки. При этом «тексты», образованные данными бляшками, различаются как по количеству составляющих, так и по морфологии изделий. Отсюда следует тот важный вывод, что «кабанья» узда не была «канонизирована» (в ее составе допускалась вариативность). Тем не менее, три закономерности все-таки выявляются:

1. В большинстве случаев общее число бляшек в наборах было нечетным. Данный принцип нарушен лишь дважды – в захоронениях из Красногоровки III, 12/1 и 12/2. Следует, однако, уточнить, что оба раза в непосредственной близости от костяков находилось нечетное число бляшек (9 и 3 соответственно). При этом в некотором отдалении от каждого из погребений было обнаружено еще по 1 бляшке (смещены распашкой?). Нельзя, однако, исключать того, что обе «лишние» бляшки не относились к наборам, располагавшимся возле костяков. О другом проявлении принципа нечетности мы уже сказали выше: удила в составе «кабаньей» узды из Красногоровки III, 12/1 и Красной Деревни, 7/5 были представлены лишь одним звеном. Возможно, и то, что роговые псалии из Веселой Долины, 1/2 и Жирноклеевского, 6/9, хотя и образовывали пары, но относились к разным типам, также было своеобразным проявлением нечетности. Обыгрывание принципа нечетности при составлении рассматриваемых «текстов», скорее

всего, было связано с какими-то особенностями лошади, которой была предназначена «кабанья» узда и/или человека – хозяина скакуна. Но что это за особенности, установить невозможно, т.к. семантика нечетного зачастую оказывается диаметрально противоположной у разных народов. Соответственно, в случае с «кабаньей» уздой невозможно установить, связана ли была нечетность бляшек с представлениями о жизни или, наоборот, о смерти;

2. Массивные нащечные бинарные бляшки встречены в трех комплексах, причем оба раза, когда авторы публикаций сообщают об их количестве (Стрижена Могила, Красногоровка III, 12/1), речь идет о трех экземплярах. В данной связи стоит вспомнить о популярности числа «три» у иранских народов (см., например: Калоева, 1976, с. 134).

3. Если в составе набора были и бинарные и небольшие бляшки-«пуговицы», то последних всегда было больше, чем первых.

Вопрос о том, была ли связана форма бляшек с их функциональной ролью в составе узды, может быть предварительно решен: в тех случаях, когда в состав набора входили удлиненные бляшки (предполагаемые нащечники), именно они тяготели к передней части морды лошади. Это демонстрируют комплексы из Веселой Долины, 1/2 и Пшиша-I, № 93.

Перейдем теперь к социологической интерпретации рассматриваемых захоронений. Отметим, что все умершие, которых сопровождали рассматриваемые бляшки, являлись взрослыми. Среди них – мужчины 30-35 лет (Красная Деревня, 7/5) и 35-40 лет (Приморский I, 2/5), а также человек 40-45 лет (Веселая Долина, 1/2). Эти люди ездили на лошадях, узда которых была оснащена бляшками из кабаньих клыков. При этом бляшки, очевидно, выполняли две функции. С одной стороны, они выступали в качестве опознавательного знака, демонстрировавшего наличие определенной связи между всадником и вепрем. Здесь, по сути, имела место ситуация, бывшая сродни той, что описана в «Одиссее». В греческом эпосе герой был узан по шраму, оставшемуся на его ноге после охоты на кабана. Добавим, что «кабанья» узда черногоровкой культуры была явно перенасыщена изделиями из клыков вепря (в 5 из 7 комплексов было от 10(9?) до 35 бляшек). Отмеченная перенасыщенность «кабаньей» узды не имела никакого утилитарного смысла. Несомненно, она преследовала цель акцентировать внимание окружающих на конском убранстве, подчеркнуть знаковую связь данного убранства с образом вепря.

С другой стороны, что, вероятно, было самым главным, бляшки из клыков кабана были призваны наделить лошадь и/или всадника определенными качествами, позволявшими им функционировать в некой сфере. Скажем сразу – явно не в военной, ибо ни одно из рассматриваемых погребений не содержало явных предметов вооружения (присутствующий в комплексе Красная Деревня, 7/5 «текст» (см. Цимиданов, 2018, с. 28, примеч. 4), сочетающий в себе оселок и бронзовый нож (Вальчак, 2020, рис.5, 1, 9, 16; ср. Подобед и др., 2016, с. 164-165) требует отдельного рассмотрения). Важным нюансом является присутствие в двух захоронениях с «кабаньей» уздой предметов, которые могут быть трактованы как знаки причастности умерших к отправлению обрядовой

функции. Один из знаков – деревянная чаша с металлической накладкой из Веселой Долины, 1/2. О том, что деревянные чаши у иранских народов, к каковым относились и черногоровцы, маркировали служителей культа, писали многие авторы (см., напр.: Цимиданов, 2004а, с. 55-57; 2004б, с. 75-76). Поэтому остановимся более подробно на другом артефакте. В захоронении из Красной Деревни, 7/5 на черепе умершего находилась бронзовая бляшка. Несомненно, это – остатки очелья.

Обзор черногоровских захоронений с очельями позволяет, на наш взгляд, продвинуться в понимании социальной структуры рассматриваемого общества. Очелья из погребений черногоровской культуры можно разделить на два типа: 1 – изделия, представляющие собой длинную дуговидно изогнутую бронзовую пластину или обруч; 2 – очелья в виде кожаного ремешка, обычно имевшего бронзовую накладку (накладки) в виде бляшки или пластинки. Анализ захоронений с очельями позволил сделать следующие наблюдения: в погребениях, где находились очелья в виде кожаного ремешка с бронзовыми накладками или без таковых, оружие отсутствовало. Не выявлено там и оселков, которые могли замещать его по принципу *pars pro toto*. Следовательно, очелья типа 2 не относились к воинским атрибутам. Хотя очелья и являются одной из ярчайших особенностей черногоровской культуры (Гошко, Отрощенко, 1984, с. 176), они встречены далеко не в большинстве погребений (17% комплексов, по В.В.Отрощенко (1994, с. 113). Из отмеченного правомерно допустить, что кожаные очелья в черногоровской культуре маркировали принадлежность к определенной социальной группе. Вероятно, могли указывать на принадлежность погребенных к служителям культа.

Обратим теперь внимание на следующее. В сказках, сохранивших отголоски древних верований и обрядов, герои нередко перемещаются на «нетранспортных» животных. Если не брать в расчет птиц, которые переносят фольклорных персонажей довольно часто, можно отметить, что сказочные герои путешествуют на: баранах, волках, медведях и даже на бобрах. Стоит подчеркнуть, что во всех подобных случаях, в соответствии с концепцией В.Я. Проппа, речь идет о путешествии в потусторонний мир (Пропп, 1986, с. 214-215).

Любопытно, что погребальные комплексы тоже демонстрируют стремление людей отправить покойника в иной мир на «нетранспортном» животном. Бляшки из кабаньих клыков использовались в черногоровской культуре только для оснащения конской узды. Нам не известно ни одного бесспорного случая, когда они входили бы в иной контекст. Отсюда видно, что рассматриваемые артефакты жестко коррелировались с лошадьми. Кроме того, как отмечалось выше, бляшек в составе узды из большинства рассматриваемых комплексов было настолько много, что правомерно предполагать существование ситуаций, когда люди настойчиво старались подчеркнуть ассоциацию лошади с кабаном. Отсюда правомерно допустить, что «кабанья» узда служила для обрядового «превращения» лошадей в кабанов. Но почему – именно в кабанов? Дело в том, что в иранской мифологии (и не только в ней) кабан предстает как медиатор, позволяющий перемещаться между мирами (Подобед и др., 2013, с. 471-472). В ряде мифологических систем кабан

выступает в качестве животного, на котором ездят герои и божества. Так, в Нартиаде верхом на кабане скачет Батраз (Дарчиев, 2004, с. 211), а в фольклоре черкесов – божество лесов Мезитх (Дирр, 1915, с. 4-5). Первый факт особенно важен для нас, учитывая генетическую связь осетин с ираноязычным населением степей. Мотив езды на кабане является очень архаичным, судя по тому, что один из петроглифов, обнаруженных в горах Джамбул, Казахстан изображает антропоморфного персонажа, восседающего (скачущего?) на вепре (Медоев, 1979, ил. 28). Вера в способность кабана заменять в определенных ситуациях лошадь, похоже, существовала и в покровской культуре переходного от средней к поздней бронзе периода. Об этом свидетельствуют два захоронения из Золотой Горы, Саратовская обл., РФ. В одном из них (1/1) на челюсти кабана лежал псалий (Юдин, Матюхин, 2006, с. 22). Во втором (4/1) два псалия размещались по обе стороны от кабаньей челюсти (Юдин, Матюхин, 2006, с. 26). Очевидно, данные «композиции» призваны были передать идею перемещения на кабане.

Стоит сказать еще об одном замечательном комплексе, который фиксирует использование кабаньих клыков для изготовления деталей конской узды. Он исследован в кургане 17 могильника Баданка IV, Красноярский край, РФ. Под насыпью кургана, к западу от разрушенного погребения, зафиксированы остатки двух кострищ (среди угольков находились мелкие камешки и гальки). Южнее остатков захоронения располагался скелет старого жеребца. Под его черепом лежали пять предметов от уздечки – 4 бляхи из клыков кабана и 1 – из когтя медведя. На основании некоторых аналогий автор отнес комплекс к IX в. до н.э. (Боковенко, 2014, с. 379, 381) (стоит добавить, что для данного комплекса была предложена и несколько более высокая дата – рубеж IX-VIII-VIII вв. до н.э. (Кисель, 2015, с. 61). Бляхи из этого комплекса морфологически отличаются от тех артефактов черногооровской культуры, о которых шла речь выше. Но, во всяком случае, они позволяют допускать, что и у населения юга Сибири рассматриваемого времени существовала обрядовая практика «превращения» лошадей в кабанов. Присутствие в составе узды когтя медведя может быть объяснено следующим образом: в фольклоре и литературе проявляется ассоциация и лошади с медведем (Подобед и др., 2015, с. 48).

Подведем итог. Мы пытались показать, что в черногооровской культуре существовала практика обрядового «превращения» лошадей в кабанов путем надевания на первых узды, расшитой бляшками из клыков вепря. При этом, очевидно, предполагалось, что подобные «лошади-кабаны» помогают всаднику перемещаться между мирами. Но коль скоро «скакавшие на кабанах» выступали в качестве медиаторов, велика вероятность того, что они выполняли функции шаманов.

Литература:

Боковенко Н.А. Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация // Археология древних обществ Евразии: хронология, культуuroгенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929-

19.02.2010) / Труды ИИМК РАН. – Т. XLII. – СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. – С. 372-392.

Боковенко Н.А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир Большого Алтая. Международный научный журнал. 4(1). 2018. – С. 8-42.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. – 223 с.

Вальчак С.Б. Длинноклиновые ножи «азиатского облика» в предскифских погребениях Восточной Европы // Археологическое наследие. № 1 (3). – Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2020. – С. 91-103.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черноговровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир; М., 1996. – С. 23-44.

Гошко Т.Ю., Отрошенко В.В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. – 1986. – № 1. – С. 168-183.

Дарчиев А.В. Элементы архаического мифа в сказании о борьбе Батраза с диким кабаном // Ритмы истории. – Вып. 2, 1. – Владикавказ, 2004. – С. 199-245.

Дирр А.М. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. Вып. сорок четвертый. Отдел четвертый. – Тифлис, 1915. – С. 1-16.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговровской культуры // Археологический альманах. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 137-160.

Дударев С.Л. О датировке комплекса из всаднического погребения в кургане в уроч. Веселая Долина // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов. – Донецк, 1989. – С. 136-137.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. – Т. II. – М., 2011. – 324 с.

Калоева Д. Дарезановские сказания у осетин // СЭ. – 1976. – № 1. – С. 131-135.

Кисель В.А. Начало кочевнической культуры в центре Азии // АСГЭ. – Вып. 40. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 54-67.

Козло П.Г. Дикий кабан. – Минск: Ураджай, 1975. – 224 с.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981. – 168 с.

Лукашов А.В. Новый памятник VIII-VII вв. до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 157-161.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. – К.: Шлях, 2005а. – 380 с.

Махортых С.В. Черногоровские древности Северо-Восточного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. – М.: Институт археологии РАН, 2005б. – С. 183-200.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка. Мангышлак. – Ч. первая. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 176 с.

Отрощенко В.В. О погребениях черноговоровского типа в Нижнем Подонье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. – Вып. 13. – Азов: Азовский краеведч. музей, 1994. – С. 103-117.

Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., Миллер М.А. Дон // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 169-187.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Далалык Еуразиянын бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Күрманкүловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2013. – С. 453-484.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Медведь в культурах лесостепной и степной Евразии позднего бронзового века: основные аспекты знаковой нагрузки // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Чел. ГКМ, 2015. – С. 46-51.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Точила в знаковых системах культур эпохи поздней бронзы и предскифского времени // Археологія та етнологія півдня Східної Європи. – Дніпро: «Ліра», 2016. – С. 155-171.

Потапов В.В., Бабешко И.Г. Черноговоровское всадническое погребение в могильнике Красногоровка-III // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. – Вып. 12. – Азов, 1994. – С. 118-132.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 366 с.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. – 1961. – № 1. – С. 46-72.

Татаринов С.И. Раннескифское погребение из Приазовья // СА. – 1982. – № 1. – С. 227-229.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К.: Наукова думка, 1976. – 224 с.

Цимиданов В.В. Деревянные чаши в срубной культуре // Донецкий археологический сборник. – Вып. 11. – Донецк: ДонНУ, 2004а. – С. 55-76.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004б. – 204 с.

Цимиданов В.В. Клады эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы как «тексты» // Донецкий археологічний збірник. – № 21. – Вінниця: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2018. – С. 26-66.

Шаповалов Т.А. Погребение предскифского времени в кургане Стрижена Могила // АИУ-1968. – Вып. III. – К.: Наукова думка, 1971. – С. 191-193.

Хорват В. Украшения из органических материалов в культурах Евразии в IX-VII вв. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 323-338.

Эрлих В.Р. переход от бронзового к железному веку на Северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть I // РА. – 2002. – № 3. – С. 26-38.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов, 2006. – 116 с.

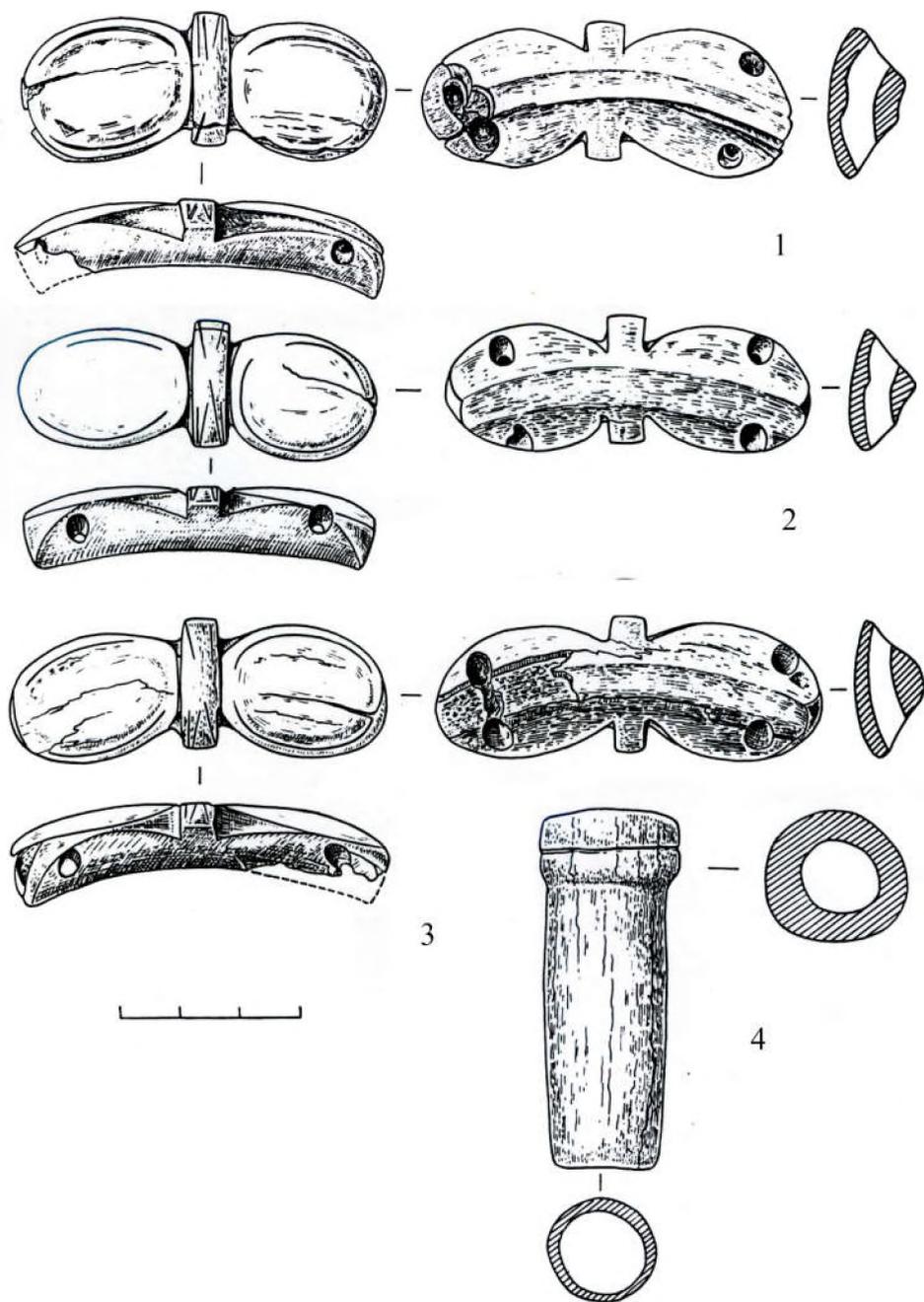

Рис. 1. Курган Стрижена Могила, разрушенное захоронение черногоровской культуры: 1-3 – крупные бинарные нащечные бляхи; 4 – костяная втулка.
Рисунок О.Р. Дубовской.

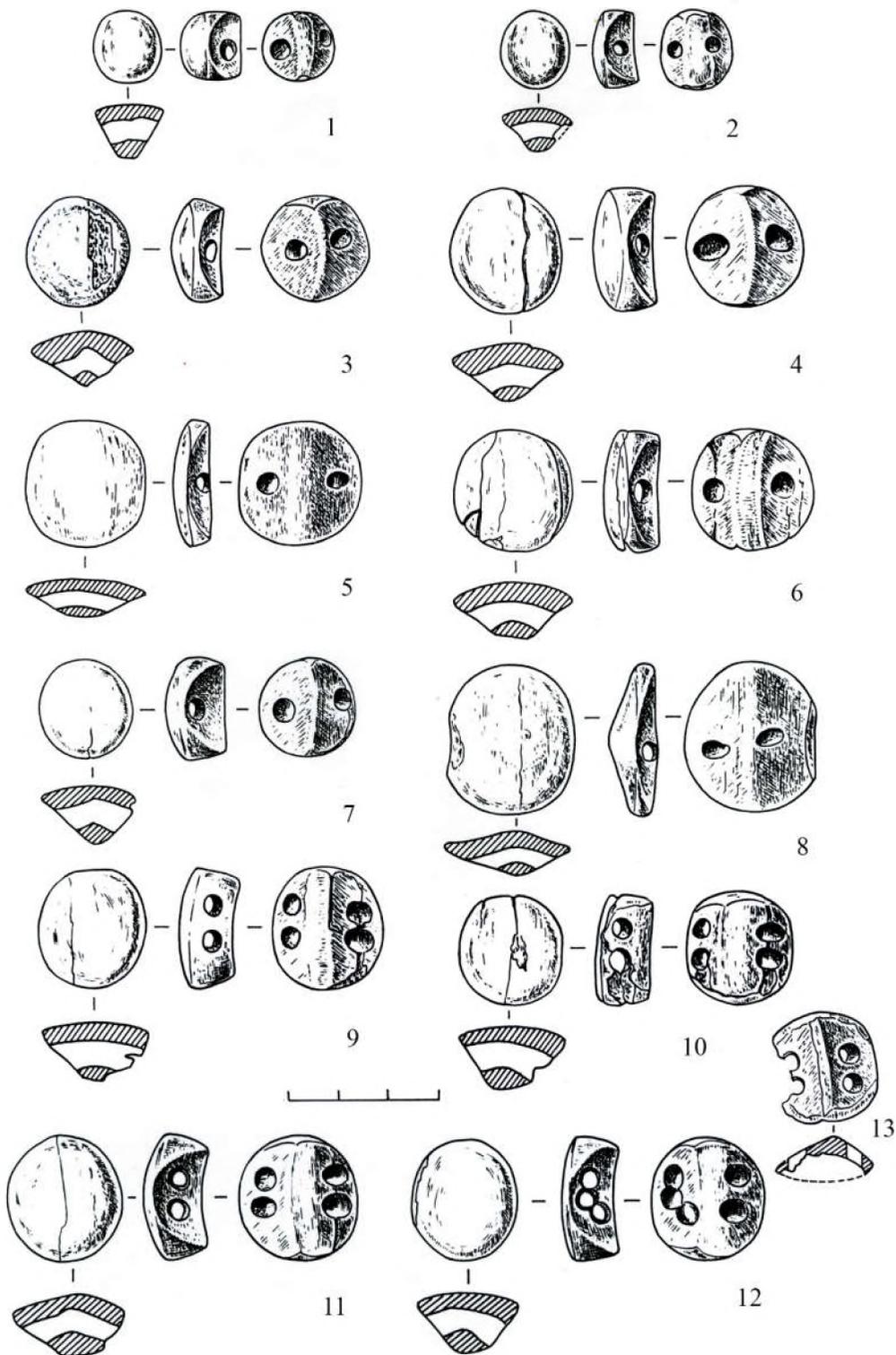

Рис. 2. Курган Стрижена Могила, разрушенное захоронение черногоровской культуры: 1-13 – мелкие нащечные бляшки-«пуговицы» с одним (1-8) или двумя (9-13) отверстиями. Рисунок О.Р. Дубовской.